

МАГИЯ **ФЭНТЕЗИ**

Александр ШУТРИК

**КАРАЮЩАЯ
ДЛАНЬ**

Роман

Москва, 2014
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Ш95

Серия основана в 2004 году
Выпуск 527

Художник
И. Воронин

Шутрик А. И.
Ш95 Карающая Длань: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014. — 344 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1745-2

Клирики, паладины, чернокнижники, маги, демоны, язычники, эльфы, гномы... Кто еще будет втянут в круговорот кровавых событий, захвативших сердце Святых земель? И кто вообще все это затеял и с какой целью?

Распутывать клубок тайн придется бывшему язычнику Маркону, последнему из клана Каменных Волков... А ведь всего-навсего стоило перерезать горло одной простолюдинке — и все сложилось бы совсем по-другому! Возможно.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Шутрик А. И., 2014
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014

ISBN 978-5-9922-1745-2

КОДЕКС ПАЛАДИНОВ

Паладин уважает женщин, защищает слабых и незащищенных, помогает вдовам и сиротам.

Властвует над собой и вершит правосудие.

Презирает денежное вознаграждение за содеянное.

Всегда предан друзьям и союзникам своим.

Не мстит.

Никогда не бежит от врага.

Никогда не нападает на более слабого противника.

Не отказывается от боя с равным по силе противником.

Не бьет в спину.

Всегда держит слово свое.

Презирает ложь.

Верен своему королю, стране и правому делу ордена.

Бойся Бога и поддерживает заветы Церкви.

Должен прожить жизнь так, чтоб она была достойна славы и уважения, и умереть с честью.

Автор выражает особую благодарность и признание своему отцу Шутрику Игорю Александровичу за неоценимую помощь в работе над романом

ПРОЛОГ

«Он понимал, что приближается смерть. Однако не двигался с места. Без усталости пускал стрелу за стрелой, поражая наступающих врагов».

Аолнасс вновь и вновь перечитывал слова, вырезанные на каменной табличке первым языком эльфов. Время от времени принц оборачивался и подолгу глядел в тоннель просторной аркады, однако меж белыми колоннами, увитыми пурпурными цветами и зеленью, по-прежнему никто не появлялся.

В очередной раз вздохнув, принц снова обернулся к мраморному изваянию. Каждый раз, находясь рядом со статуей Великого Оарна, эльф восхищался мастерством скульптора. Просторный капюшон сброшен на спину. Волосы аккуратно собраны на затылке. На лице ничего, кроме каменного спокойствия и непоколебимой решимости. Из-за правого плеча выглядывает почти опустевший колчан, однако запасной, на поясе, еще полон стрел. Громадный лук, словно влитой, лежит в твердой руке эльфа. Тетива натянута до предела, а ее оперение слегка касается щеки. Левый глаз прищурен, губы сжаты в тонкую полоску.

— Великолепная работа, не правда ли, принц?

— Трудно не согласиться, — подтвердил эльф и повернулся к жрице. Внутренне он содрогнулся от ее внезапного появления, однако внешне остался спокоен.

— Однако это всего лишь внешность, — вздохнула жрица, обходя изваяние, — и...

— Ты хочешь сказать, Оарн не заслуживает славы после всего, что сделал для нашего народа?

— Заметь, я этого не говорила, — улыбнулась жрица, остановилась перед Аолнассом, пристально посмотрела в голубые глаза собеседника, — однако многие считают именно так, как ты сказал.

— Им не останется ничего иного, как признать свою неправоту или бесславно умереть, — твердо, с убеждением, произнес принц.

— Итак, ты не передумал по поводу своих намерений? — Отвернувшись, эльфа перешла к делу.

— Я же говорил тебе еще тогда — слово мое непоколебимо, как бессмертие Вечного Древа! — В голосе принца появилась раздраженность.

Жрица Луны ничего не ответила. Она подошла к краю круглой площадки, с которой открывался прекрасный вид на вечнозеленый лес и водопад, с которого неслись хрустальные пенящиеся потоки. Эльфа сложила руки перед собой, взор ее устремился куда-то вдаль, где на недостижимой высоте перетекали из формы в форму пушистые клубы облаков.

Аолнасс не выдержал молчания собеседницы, подошел.

— Ты разговаривала с духом?

— Да, — последовал короткий ответ.

— И? Что он сказал?

— Ничего.

— Как? — несказанно удивился принц.

— Он сказал, что говорить будет только с тобой. — Голос жрицы был тих, печален, и эльф тотчас подметил это.

— Что-то не так?

— Боюсь, он может попросить слишком многого, — осторожно сказала эльфа, вновь повернувшись к Аолнассу.

— Это не важно, — отмахнулся принц. — Я дал слово и сдержу его! — В глазах эльфа полыхнули искорки зарождающегося гнева.

— Когда ты сможешь провести меня Тропой? — спросил он спокойно, сумев наконец-то вновь потушить свой гнев.

— Хотя сейчас, — упавшим голосом ответила жрица.

— Тогда не будем терять времени! — Принц с готовностью дал ей свою руку.

Немного помедлив, жрица протянула свою, и, как только их пальцы соприкоснулись, голова у принца пошла кругом. В один миг он перестал ощущать свое тело, а его сознание понеслось в непроглядную черноту бездны. Однако падение

длилось недолго. Внезапно мир вокруг замер, хотя чернота не исчезла.

Откуда-то со стороны донесся голос, от которого веяло глубокой древностью:

— На что готов пойти ты, чтоб получить ответ на свой вопрос?

— На все! — Принц будто услышал свой голос со стороны.

— Тогда слушай внимательно!

Внезапно чернота рассеялась. Пред внутренним взором эльфа появились мириады разноцветных огоньков, меж которых он увидел застывшую прозрачную фигуру — себя.

— Я вижу крест! — начал говорить Дух Познания. — Много крестов! Люди! Людей еще больше! И холод, очень холодно! Демон! Она среди демонов и людей! Но сперва лучше отыскать волка! Волка из камня! Он приведет тебя к той, которую ты ищешь!..

Дух замолчал, и принцу стало как-то неловко.

— Какова моя плата? — Во рту пересохло.

— Ты говорил, что готов пойти на все...

— И не отрекусь от своих слов! — подтвердил Аолнасс.

— Тогда я возьму твое бессмертие!

Слова ударили не хуже меча.

В следующий момент эльф снова почувствовал свое тело. Оно тут же изогнулось от нестерпимой боли, будто десятки тысяч иголок пронзили его насквозь, не пропустив ни одной клеточки. Но, несмотря на адскую боль, принц остался в сознании. Перед глазами все пошло ходуном, вновь появилась гигантская воронка...

Принц очнулся. Он оказался лежащим на краю площадки, а жрица с тревожным лицом склонилась над ним. Он попытался встать, однако телом овладевала слабость, голова закружилась, перед глазами все поплыло. После второй попытки он потерял сознание.

— Ничего. — Белая рука легла на взмокший лоб эльфа. — Скоро ты поправишься, — прошептала жрица, — только не знаю, как тебе теперь с этим жить. И сколько...

Глава 1

ЯЗЫЧНИКИ

Утро выдалось пасмурным. Огромные лоскуты серых облаков, с которых все еще слетали тяжелые капли, вспенивая воду за бортом, застилали весь небосклон. Иногда где-то вдалеке белые росчерки молний рассекали горизонт на множество ослепительно-белых осколков.

Порывы холодного ветра пронзали все тело до мозга костей, словно хотели достать саму душу. Внезапно волна, разбившаяся о борт драккара, окатила холодными брызгами. Утерев мокрым рукавом забрызганное соленой водой лицо, я вновь оперся на невысокий борт, за пределами которого начинала бушевать зелено-синяя пучина.

Никто не спал. Но и за весла браться никто не спешил. Большой полосатый парус изогнулся дугой настолько, что трещали канаты. Все в напряжении вглядывались в даль, ожидая появления смутных очертаний берега.

— Еще немного! — Покачиваясь, подошел Сван, мой старший брат. Он уже бывал в подобных походах, которые совершали наши родичи. Отец начал брать его с собой еще две осени назад.

Вот и мой черед помахать мечом пришел наконец-то. Нет, я, конечно, уже бывал в сражениях, так как кланы Акульего архипелага без устали воюют не только с южанами, но и между собой, пытаясь отобрать у соседа тот или иной остров.

Я просился с отцом еще той осенью, но он лишь отмахнулся, будто от назойливой мошкары, со словами: «Мал еще!» Я даже описать не могу, какова же была радость, когда наш отец, глава клана Черных Медведей, произнес мое имя, хоть и последним, и я вышел из толпы, чтоб отпить из Кубка Воинов.

В путь отправились на следующий же день. Погода была отличной — перед походом очень хорошая примета у нашего

народа. Небо было чистым, а посреди небесной синевы медленно плыло огненное блюдо, испуская свои теплые лучи, да чайки носились взад-вперед, то и дело приближаясь к самой воде, чтоб ловко поймать неосторожную рыбку.

Ветер появился лишь на второй день пути, а уже к вечеру море понемногу начало штормить. По словам Свана, мы выступили очень своевременно.

— Настоящий шторм начнется, когда мы уже пристанем к берегу и возьмемся за этих крестьян, которые только и знают, что в поле с тяпкой возиться, — со знанием дела говорил он мне тогда.

Так что теперь всего несколько часов отделяли меня от славы и богатства, которое мы силой вырвем из рук поганых южан, разрушивших поселки и города наших прадедов и вытеснивших их на проклятые острова, где воды кишели акулами и прочими кровожадными тварями.

— Да ты никак дрожишь? — Брат положил мне руку на плечо. — Боишься? — Сван ехидно прищурился.

— Я ничего не боюсь! — сжав кулаки, прокричал я в лицо старшему брату, который с детства любил всячески поддеть меня.

— Ну да, мне-то ты можешь не рассказывать! — хохотнул брат. — Видишь вот того детину? — Сван указал на огромного воина в рогатом шлеме, который стоял у самого носа.

— Угу, кажется, его зовут Виги Хохотун, — припомнил я. — Отец после вашего последнего похода говорил, что он отличный боец.

— И не врал. Вот только когда Виги был твоего возраста и его впервые взяли пощипать побережье Форинга, при виде паладина он тотчас наложил в штаны! — засмеялся Сван. — Хотя пока что не думаю, что тебе следует чего-нибудь бояться. Прежде чем напасть на кого-то серьезного, отец, как всегда, приносит жертву богам. Так что поначалу вырежем две-три деревеньки, а уж после и возьмемся за *настоящее* дело...

— Да ладно тебе! — Я, конечно же, не поверил в рассказы брата. — Можно подумать, эти паладины такие уж и страшные, как о них все говорят?

— Ну, я б не сказал... — ответил Сван. — Такие же люди, как и мы с тобой. Вот только доспехов на них поболее, чем на нас, будет. А если быть точным, то многие с головы до пят в железо закованы, а двигаются, будто и нет на них ничего. Нет, брат, бояться их точно нечего, но и победить паладина очень тяжело.

— Спорим, я в первом же бою уложу одного? — выпалил я, чем вызвал у брата новый приступ смеха.

— Готов заложить свой меч, что ты первым в штанишки наложишь при их виде и к мамочке нашей побежишь, — рассмеялся Сван.

— Посмотрим, кто будет смеяться последним, — зло буркнул я и отвернулся.

— Ну-ну, братец! Хотя знаешь, ты уже делаешь кое-какие успехи! — подняв вверх указательный палец, возразил Сван.

— И в чем же? — оживился я.

— Тебя перестало трясти! — Брат зашелся смехом и направился под натянутый навес, сделанный из овечьих шкур, под которым прятались от дождя большинство воинов, проводя время за игрой в кости.

— Сволочь! — вырвалось у меня. И только я облокотился на борт, как очередная волна обдала меня с ног до головы, так что я злой на брата и на море, ворча себе под нос ругательства, поплелся под навес.

Что ж, если у нас есть часик-второй, стоит вздремнуть. Я устроился поудобнее на своей скамье и как можно глубже зарылся в шкуры, закрыв уши, чтоб не слышать ехидные смешки старшего братца.

Перед тем как уснуть, я дал себе слово, что обязательно убью хоть одного паладина, что бы там про них ни говорил Сван и остальные. Знаю я их. Любят сказочек порассказать. Пусть для девиц и малышни их держат, меня-то ими не напугать!

С этими мыслями я незаметно для себя и погрузился в сон. Не знаю, сколько времени прошло с тех пор, но когда чей-то громогласный окрик, который на миг смог заглушить даже шум моря, ветра и дождя, возвестил, что на горизонте появилась земля, снаружи ничего не поменялось. Небо было все таким же серым и хмурым. Дождь нисколечко не утих, а волны и ветер стали еще сильнее раскачивать наше судно.

Я подбежал к носу и принялся во все глаза смотреть вперед, хотя из-за дождя видимость была просто нулевой. Мне оставалось только удивляться, как при таких условиях кто-то смог что-то впереди разглядеть, однако остальные воины совсем не разделяли моих скептических мыслей.

— Олви прав, берег близко. Не пройдет и часу, как мы ступим на землю, которая по праву должна принадлежать нам! —

Внезапно за моей спиной выросли отец с братом. — Идите, собирайтесь.

— Пойдем! — позвал Сван и двинулся под навес. Не оставалось ничего иного, как следовать за братом.

Мы со Сваном оказались не первыми, кто начал собираться. Когда я появился под навесом, все, кто там присутствовал, уже были полностью облачены в доспехи и занимались осмотром оружия.

Брат бросил мне, чтоб я не тянул, и принялся показывать пример, деловито осматривая нагрудник и все остальное снаряжение.

Я сбросил с себя куртку из шкуры вола с нашитыми стальными пластинами. Достал кольчугу и натянул поверх белой рубахи, потом снова надел куртку. Заткнул за пояс сакс — длинный нож, который в любой стычке может очень пригодиться, если потеряю меч или топор. Вынув из ножен меч, я проверил остроту обоюдоострого клинка. Подбросил несколько раз, коротко взмахнул, оценив, как лежит в руке.

— Осторожней! — тотчас прикрикнул на меня Сван и добавил со смешком: — Или ты еще до драки решил себе руки пообрубать?

Я проигнорировал старшего братца, вогнал меч в ножны и закинул перевязь за спину. Несколькими секундами позже к саксу, за пояс, присоединился бродекс, или, как его еще называли, бородатый топор, лезвие которого было удлинненным примерно на два-три пальца.

— Готов? — Ко мне подошел облаченный в кожаный нагрудник брат. Из-за плеча у него виднелась рукоять такого же, как у меня, меча.

— Кажется, — неуверенно ответил я.

— Не спеши, — назидательно сказал брат, — проверь еще раз все как следует и на выход, жду тебя у носа.

— А ты что, мне нянькой нанялся? — съязвил я.

— Поверь, мне это нравится не больше чем тебе, но ты ведь знаешь, как отец умеет *убеждать*. Так что предупреждаю сразу: как только окажемся на берегу, от меня ни шагу. Если с тобой что-то случится — отец мне голову отвертит. — С этими словами брат пошел наружу.

— Просто чудесно, — вздохнул я и принялся осматривать одежду, доспехи и оружие — не забыл ли чего.

Не прошло и получаса, как очертания берега перестали напоминать длинную тень, а пред нашими взорами встали мале-

нькие коробочки, расположенные на нескольких холмах, за которыми выросла высокая стена букового леса, пока что еще зеленая, так как осень только недавно вошла в свои законные владения.

Как только киль судна взрыхлил мокрый песок, щедро усеянный мелкими ракушками и камушками, некоторые из воинов начали прыгать за борт. Кто прямо в воду, а кто на песок. Я тоже было захотел так сделать, но брат тотчас меня осадил.

— Ты куда это собрался? Если отец увидит — обоих оставит на корабле!

Что ж, это весомый аргумент, так что я подождал еще немного и, как и Сван, спустился вниз по веревке.

Дождь, кстати, перестал лить как из ведра, превратившись в легкую морось, и вдалеке можно было рассмотреть несколько полосок дыма — некоторые из крестьян уже покинули свои согретые за ночь постели. Это и неудивительно — те, кто работает в поле, встают ни свет ни заря (и дождь им не помеха), или, как любит говаривать Сван, с первыми петухами.

Толпа из полусотни воинов, не стовариваясь, молча пересекла пляж. Песок из-за дождя превратился в вязкую жижу, так что я не пожалел, что не поленился заново перешнуровать обувь, покрепче.

Остановились в небольшой рощице, которая уместилась прямо между песком и зеленой, но кое-где уже начинавшей желтеть травой. Воины тотчас окружили моего отца, и он начал командовать.

Разделив нас на две группы, он повел нашу часть людей в обход с западной стороны, двигаясь вдоль пологого холма, — так, чтоб он нас прикрывал от тех, кому с утра не спится. Другой отряд должен был проделать такой же маневр, обходя деревню с востока.

Наш отряд растянулся небольшой змеей, которая ползла по извилистому оврагу вдоль склона. Несколько раз я чуть не поскользнулся на траве, а изредка ноги буквально по щиколотки утопали в лужах грязи, которые образовались после ливня.

Вскоре отец — он шел первым, наперевес с устрашающего вида молотом — начал осторожно подниматься вверх по пологому склону. Прямо перед нами тут же вырос плетеный заборчик, за которым скрывалась небольшая хижина, да еще хлев с перекошенной крышей.

На пороге появилась женщина средних лет, одетая в тунику, спускавшуюся ниже колен, и с платком на голове. В руке селянка держала небольшое деревянное ведро, полное свежего парного молока.

Глаза ее стали размером с блюдца, когда она увидела нас, однако позвать на помощь крестьянка так и не успела. Не успела она вообще ничего, так как секунду спустя ей в грудь вонзилось лезвие метательного топорика, да с такой силой, что женщину отшвырнуло назад. Послышался глухой звук упавшего тела и всплеск растекающегося по земле молока.

— Неплохой бросок! — похвалил кто-то воина, который уже перекинул свое тело через невысокий забор.

— Зря бабу так быстро... Порезвиться-то можно было... — донеслось сзади.

— Успеете еще нарезать! — прикрикнул отец. — Не мешкать! Разделяйтесь на тройки! Делаем все как обычно! За полчаса должны справиться! Девочек покрасивей стаскивайте к центру поселка! Да помогут нам боги!

Не стовариваясь, опытные воины сразу же распределились на тройки и легкой трусцой двинулись к соседним домикам. Мы с братом остались на месте, ожидая приказаний отца.

— Теперь вы двое! Сван, бери Маркона и дуйте за Эроном! Опыта у него не отнять, так что я буду спокоен за вас! — не говоря больше ни слова, отец кивнул воину в рогатом шлеме и старику с длинными черными патлами и хищной рожей стервятника — шаману, который держал в руке погремушку из пожелтевших крысиных черепов.

— Пошли! — Брат первым перемахнул через оградку и подбежал к уже открытым дверям, несколькими секундами позже к нему присоединился и я.

Спустя еще один миг из хлева появился Эрон, рыжебородый верзила в открытом шлеме, грубой кожаной куртке и с окровавленным топориком в руках. Доставая на ходу из-за пояса меч, очень похожий на те, что держали в руках мы со Сваном, воин впечатал пятку в дверь дома, и та с треском сорвалась с петель, улетев вглубь помещения.

— Прикрывайте! — Эрон устремился внутрь.

После небольшой заминки за нашим товарищем последовал и мой брат, я тоже не отставал. По моим прикидкам, на все ушло секунд пять. Мы услышали два предсмертных вскрика, и на пороге дальней комнаты появился довольно оскалив-

шийся северянин. В руках к окровавленному топорiku присоединился меч.

— С этими покончено! Двигаем дальше!

— Сколько их было? — живо поинтересовался Сван, когда мы оказались на улице.

— Двое. Мужик и пацан. Не отставайте! — Эрон ногой выбил хлипкую калитку и, пройдя немного вдоль забора, таким же способом вошел в соседний двор.

Здесь все оказалось почти так же. Эрон быстро расправился с мужчиной и двумя подростками лет пятнадцати. Сван же зарубил хозяйку дома, однако за миг до смерти та успела завизжать, словно свинья:

— Язычники!!!

Думаю, теперь о нас точно узнают.

Вскоре откуда-то с соседних дворов донеслись такие же крики.

Минут за десять, может, пятнадцать мы зачистили еще несколько домов. О нас уже и вправду стало всем известно. Крыши половины строений запылали ярким пламенем, языки которого выплясывали сжигающие все на своем пути хороводы. В некоторых дворах нас уже ждали.

Люди отбивались, кто чем мог. Кто-то пускал в ход топоры или вилы, кто-то брался за кочергу или рогатину, однако никого, кто попадался нам на пути, ничего не спасло от неминуемой гибели. В основном нашими противниками были подростки или мужчины. Женщины же с детьми пытались удрать.

Мне тоже несколько раз пришлось пустить в дело меч, иначе Сван был бы уже по ту сторону бытия. Так что на моем счету набралось три жертвы: мужчина лет пятидесяти да двое подростков чуть младше меня.

Эрон же убил человек двадцать. Весь в чужой крови и с хищным оскалом, он напоминал кровожадного демона, которыми нас с братом часто пугали в детстве перед сном.

Последним на счету нашей тройцы оказался весьма просторный двор с домом, выложенным из камня. Возле него находился навес из овечьих шкур, из-под которых выглядывали горн, наковальня, точильный брусок и несколько ведер с водой. Неподалеку от калитки мы заметили колодец.

Не успели мы пройти и половины расстояния, отделявшего входную дверь от калитки, как нам навстречу, подбадривая себя криками, вылетели трое. Противниками Свана и Эрона

оказались двое крепко сложенных парней примерно моего возраста или чуть старше. А вот мне достался враг поопаснее.

Наконец-то хоть мало-мальски серьезный противник! А то убивать трясущихся от страха селян, в число которых входили не только мужчины, а также дети, женщины и старики, мне было не очень приятно. Не такой славы мне хотелось сыскать по эту сторону моря.

Нет, неплохо, чтоб моим именем пугали детишек на ночь, но все же... Резать тех, кто не может за себя постоять, и глумиться над их мертвыми телами — не для меня, так что я пускал оружие только в крайнем случае, когда Свану или Эрону грозила опасность. Все-таки предательство я считал еще более отвратным делом.

Мужик орудовал своим молотом не шибко умело, однако сил у него было не меньше, чем у горного тролля, на которых любили поохотиться у нас на островах. Ну и плюс двигался кузнец тоже весьма резво, при всех его габаритах.

Я в последний момент успел выдернуть из-за пояса топорик и, скрестив с мечом, выставить над головой.

Ух и удар! Это ж надо! Да в этом ревущем звере — иначе кузнеца в черном замызганном фартуке не назвать — силы еще больше, чем я мог себе представить.

Кувалда с сокрушительной силой надавила на переkreщенные меч с топором, да так, что колени подогнулись, а в руках от кистей до плеч заныли все мышцы и кости. А мой противник все давил и давил. На мгновение наши взгляды встретились, и в его глазах я не прочитал ничего, кроме животной ненависти и ярости.

Издав очередной рев, кузнец отпрянул назад и вновь попытался нанести удар. На этот раз сбоку, в попытке превратить мои ребра в отбивную.

Не оставалось ничего иного, как просто отскочить назад, однако мужик на извороте вновь постарался достать меня ударом сверху. Правая рука, сжимавшая древко бродекса, не выдержала, и топор с глухим стуком упал наземь.

Внезапная боль пронзила живот, и я понял, что отлетел на несколько метров и оказался на лопатках (хорошо, только ногой получил), а противник с диким ревом бросился меня добивать.

О землю меня приложило будь здоров, однако, несмотря на то что из легких чуть весь дух не вышибло, я сумел откатиться

немного вбок, пропуская в рискованной близости от головы стальной квадрат кувалды, и резануть мечом по ногам мужика.

Из ран на его ногах мне в лицо тотчас брызнули кровавые струи, так что пришлось зажмурить глаза. Но противник будто не чувствовал боли. Развернувшись, кузнец несколько раз ударил меня носками сапог по ребрам, да так, что в глазах на некоторое время потемнело.

Когда я очнулся, обнаружил лежащего в нескольких метрах Свана, схватившегося руками за левую ногу, и Эрона, которого мужик теснил к дому. Так же неподалеку от сражавшихся раскинулись в лужах крови мертвые противники моих товарищей.

Я собрал все силы в кулак и, хоть легкие и ребра пронзала адская боль, заставил себя встать и с мечом наперевес осторожно начал подходить к мужику со спины.

Пришлось подождать с полминуты, которые показались мне целым часом, прежде чем подвернется нужный момент, но я не сплеховал.

Эрон смог ловко уйти от молота. Отмахнувшись, заставил противника отпрыгнуть, а я тут как тут — со всей силы вонзил меч кузнецу в бок.

Мужик так и застыл на месте с поднятой над головой кувалдой, дернулся было, но тут же обмяк, завалился наземь, выпустив из рук грозное оружие.

Легкие снова сковала невыносимая боль, и я сел рядом с поверженным противником.

— Вот тварь! Думал, все! Отправит мерзавец навстречу с богами! — тяжело дыша, прогудел Эрон. — А ты молодец! Отлично сражался! Да и против ублюдка этого, — воин ткнул сапогом мертвое тело, — продержался намного дольше, чем твой братец. Кстати, как он там?

— Сван! Цел? — окликнул я старшего брата.

— Угу! — промычал тот, сплюнув с разбитых губ кровь.

Внезапно совсем недалеко раздался короткий резкий звук, который повторился несколько раз — я тотчас узнал рожок отца.

— Нам пора! Я обыщу дом, а вы двигайте к середине поселка! — распорядился Эрон и пошел в дом.

Я подошел к Свану, на разбитом лице которого застыла гримаса боли. Брат все еще держался за ляжку.

— Идти сможешь? — Я присел рядом.

— А-а-а! — завопил он в ответ. — Дай руку! Кажется, кость треснула!

Я кое-как помог ему подняться на ноги и забросил руку брата себе на плечо. Мы медленно начали выходить со двора, где нам встретился первый настоящий противник, который чуть тут же и не похоронил нас.

Когда до небольшой площадки, где виднелись спины собравшихся воинов, оставалось пройти всего несколько дворов, сзади послышался женский вопль, какие-то мольбы, а следом — наглый смех.

Мы тотчас повернулись, и я даже не удивился увиденной картине. Намотав на руку длинные русые волосы, Эрон, противно облизывая обросшие густой бородой губы, волок за собой молодую босоногую девицу примерно моего возраста. Худощавое и перепачканное лицо девушки было мокрым от слез. В глазах застыли ужас и обреченность. Длинное платье из грубой ткани, спускавшееся чуть ниже колен, было разорвано в нескольких местах. Пленница упиралась изо всех сил, однако из этого ничего не выходило.

— Хороша, паршивка! Ну, ничего, сейчас у нее пылу немного поубавится! — мечтательно произнес Эрон, когда поравнялся с нами.

Пока дошли до небольшой площади, которая оказалась всего-навсего широким перекрестком, на пути нам еще не раз попадались такие же, как Эрон, тянувшие за собой или даже несшие на руках молодых девиц, воины. Некоторые из жертв пытались вырваться, пнуть или укусить своих обидчиков, но в основном все уже смирились с неизбежным.

Воины стали кольцом вокруг небольшой площадки, в центре которой находился наш со Сваном отец и двенадцать идолов — лики Старых богов. Неаккуратность, с которой они были выполнены, говорила о том, что делалось все в спешке и на скорую руку, причем совсем недавно — об этом свидетельствовали свежие бревна, из которых их вырезали. Для меня всегда оставалось загадкой, как за столь малое время можно найти целых двенадцать бревен почти в человеческий рост, да еще и придать им подобие лиц. Я как-то поделился этой мыслью с братом, и тот сказал, будто это дело рук шамана, но на более детальные вопросы отвечать не стал.

Мы подошли как раз вовремя, так как глава клана Черных Медведей приказал выбрать двенадцать самых красивых пленниц и вывести их из толпы.

Недолго думая Эрон первым вышвырнул на свободное место девушку, пойманную в доме кузнеца. Споткнувшись босыми ногами о булыжник, пленница тотчас повалилась на землю, но секунду спустя была поднята сильной рукой своего захватчика.

Со всех сторон слышались рыдания молодых пленниц, на которые никто не обращал внимания. Спустя несколько минут было отобрано двенадцать кандидаток, которых должны были принести в жертву истинным богам. Судьба же остальных была предрешена: их вскоре попросту изнасиловали, зарезали и сбросили тела в кучу, будто только что это были не люди, а вещи, ставшие мусором.

На небольшой площадке тут же запахло кровью и смертью. От вида сгруженных в кучу тел меня чуть не вывернуло наизнанку, однако Сван, заметив неладное, тут же пригрозил мне:

— Даже не смей рыгать! Или хочешь опозорить род?!

Я покачал головой. Закрыв глаза. Сделал несколько глубоких вдохов и выдохов. Вроде помогло. Смотреть на тела прирезанных девчонок своего возраста, а то и младше, не хотелось.

Пока приходил в себя, длинная речь отца, в которой он восхвалял славные подвиги воинов Акульего архипелага, — хотя какие они славные? — а также богов и прочее, подошла к концу.

В голову лезли странные мысли. Я думал о том, о чем не следовало, а опомнился только тогда, когда Сван пихнул под ребро. Стоявшие рядом стали недовольно коситься в мою сторону, отец в нетерпении упер руки в бока и в который раз позвал меня:

— Маркон! Маркон!!!

— Иди уже! — толкнул меня в спину брат, и мне не оставалось ничего другого, как выбраться из толпы, прошествовать мимо отца, встать у крайнего идола — Тлеоса, бога правосудия. Перед ним, стоя на коленях, плакала девица в изорванном тряпье, которое еще совсем недавно именовалось платьем.

Я стал позади плачущей девушки, перед деревянным истуканом, в ожидании дальнейших команд. Сван как-то рассказывал мне об этом, но я отмахнулся тогда. Я не думал, что когда-то, как и брат, окажусь на этом месте.

Вот оно! Сейчас начнется!

— Орвин! — Стоя перед истуканом, расположенным посередине, глава клана поднял вверх руки, обращаясь к небу: — Орвин! Прими эти скромные дары своих верных слуг и помоги низвергнуть врагов извечных!

Прокричав церемониальную фразу, отец обнажил небольшой клинок и подошел к перепачканной девице, которая стояла на коленях перед деревянным идолом, опустив голову на грудь. Воин схватил ее за волосы и подтащил вплотную к вырезанному лицу. Та в ответ даже не пискнула — смирилась со своей участью, мечтая лишь, чтоб все это побыстрее закончилось, и душа ее отправилась на встречу с родными.

Оттянув назад ее голову, отец обнажил белую тонкую шею и резким движением полоснул по ней ножом. Алый фонтан ударил в истукана, щедро оросив вырезанные усы верховного бога.

Жертва забилась в конвульсиях, но вскоре глаза девушки остекленели, и обмякшее тело повалилось в пыль.

— Прими! — прогремел воин, и все, будто только и ждали этого, повторили за отцом:

— Прими! — вырвалось из десятков глоток, обращенных к небу.

Как только наступила тишина, остальные принимавшие участие в ритуале начали проделывать то же самое и со своими жертвами.

Я смотрел на это все и не решался притронуться к девушке, чьи плечи больше не вздрагивали. Появилось какое-то странное чувство. Я медленным взглядом окинул скалящуюся толпу людей, которые гордо именовали себя *воинами*. На островах никто такое никогда не делал! Но здесь, здесь все по-другому.

Нет! Они не воины! Или, по крайней мере, я не такой, как они!

Рука, будто не моя, сама потянулась к ножу, достала его из-за пояса, но я так и застыл, не решаясь даже притронуться к девушке.

Когда пришел в себя, понял, что вокруг царит гробовая тишина. Одиннадцать людей, принесенные в жертву богам, мертвые лежали перед окровавленными истуканами, а мои товарищи по оружию — кто с недоумением, а кто и с кровожадным нетерпением — смотрели на меня, но нарушать молчание никто не смел.

— Ну же, Маркон! — Отец сделал шаг вперед.

Но я даже не шелохнулся.

— Давай же! Прирежь эту тварь! — шепотом скомандовал подошедший шаман, однако его голос услышали все без исключения.

Я молчал, отстраненно смотрел куда-то вдаль.

— Маркон! — Это голос Свана. — Хватит дурака валять! — Прихрамывая, брат вышел из толпы, однако приближаться не спешил.

Я проигнорировал его тоже.

— Беду хочешь накликать на наш род? — В голосе отца прозвучала угроза, однако впервые я этого не испугался.

— Маркон, не дури! Делай, что надо! — более смело выкрикнул старший брат, и даже некоторые из воинов поддержали его.

В один миг стало как-то не по себе и очень мерзко. Захотелось швырнуть нож в эту толпу зверей — иначе их не называть. — плюнуть каждому из них в лицо и бежать вон. Я швырнул клинок наземь и сплюнул. Откуда-то появилась твердость и решительность.

— Плетей захотел? — прорычал отец, и как по волшебству в свободной руке у него появился кнут.

— Не о такой славе я мечтал, чтоб скрестить свой меч с вилами жалких пахарей! — в тон воину прорычал и я сам.

— Ага! А сам и минуты против одного не выстоял! — Я узнал голос захохотавшего Эрона, которого тотчас поддержали стоявшие по соседству воины.

Услышав гогот товарищей, отец озверел окончательно, о чем свидетельствовало побагровевшее лицо и сжатые до безизбытка кулаки.

— Ты позоришь наш род! Позоришь меня и своего брата!

— Вы мне не родня! — выкрикнул я в лицо главе клана. — Отца с матерью убили, когда я был младенцем!

— Щенок неблагодарный! — проревел глава клана и замахнулся плетью, однако ударить так и не успел.

За спинами воинов раздался непонятный топот. Головы в рогатых шлемах тотчас повернулись на звук, и самые зоркие тут же закричали:

— Всадники!

— Это паладины! — миг спустя прокричал еще кто-то, первым заметив золоченые кресты на доспехах всадников, которые неслись на врагов во весь опор.

Я тоже смотрел на летевших вперед закованных с головы до ног в железо рыцарей. Все вместе они напоминали страшного зверя, которого смерть спустила с цепи, и поэтому я не сразу осознал, что лечу в сторону.

Приземлившись в траву, я оглянулся и увидел, как приемный отец перерезал глотку последней жертве и закричал:

— В стороны! Пропустите их!

Но в этом не требовалось необходимости. Воины — те, что поопытней — и так проделали необходимый маневр.

Решив не мешкать, я обнажил висевший на спине меч и бросился было к главе клана Черных Медведей, который после смерти родителей взял опеку надо мной, однако внезапно выросший из ниоткуда всадник плашмя опустил мне на голову меч, и я канул во мрак...

Глава 2

СОБОР СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ

Я очнулся от непрерывной тряски и головной боли, но где именно нахожусь, осознал не сразу. Почувствовал только, что лежу на чем-то мягком, а над головой туда-сюда ходит натянутый парусиновый потолок. Снаружи доносились негромкие разговоры, поскрипывание колес и чавканье грязи.

Спустя некоторое время я окончательно убедился, что нахожусь внутри повозки, но куда меня везут, конечно же, не знал. В голову тотчас полезли самые разнообразные домыслы. Вскоре мне надоело гадать и, не обнаружив нигде своего оружия (помимо запертых ящичков и меня внутри повозки, которая то и дело подпрыгивала на колдобинах, разбрызгивая во все стороны грязь, ничего не было), я осторожно высунулся наружу.

Однако вся моя осторожность ни к чему не привела. Ехавший рядом усатый рыцарь с поднятым забралом тут же прокричал:

— Лорд Хелинг! Лорд Хелинг! Очнулся!

Некоторое время на меня совсем не обращали внимания, но слезть с повозки я не решался, так как рука ехавшего рядом паладина *случайно* опустилась на рукоять меча.

Оглядевшись по сторонам, я подметил, что отряд примерно в три десятка всадников не спеша движется под аркадой,

образованной густыми, сомкнувшимися ветвями дубов и буков, которые бросали на дорогу одну сплошную тень. Неба практически не было видно, но все же редким солнечным вестникам тепла удавалось пробиться сквозь плотный изумрудный слой листвы.

Я хотел было усесться на козлах возле возницы, чья спина маячила перед моим носом, но тут же вспомнив, что я, скорее всего, в плену — хоть цепей или веревок на руках и ногах у меня не было, — сел обратно, вглубь повозки.

Вскоре слух уловил приближающийся звук ударов копыт. Выглянув наружу, я подметил рослого всадника на огромном жеребце черной масти. Паладин был в кожаных высоких сапогах, забрызганных уже успевшей засохнуть грязью, серо-зеленых штанах из грубой ткани, кольчужной рубашке, чьи рукава выглядывали из-под ослепительно-белой накидки, на которой виднелся вышитый красными нитками большой крест — знак единого Бога. Шлема на голове воина не было, так что мне открылось заросшее недельной щетиной широкое лицо с большим носом, глубоко посаженными суровыми глазами серого цвета и высоким лбом. Темно-русые волосы спадали ему на плечи, довершая образ паладина.

— Очнулся, лорд! — повторил ехавший возле повозки рыцарь, кивком указав на меня.

Лорд бросил в мою сторону пристальный взгляд, посмотрел в глаза. Мне стоило огромного труда, чтоб не отвести свои, но все же я выдержал суровый взгляд. Издав короткий довольный смешок, паладин спрыгнул с коня и в следующий миг оказался на козлах.

— Ну-ка, полезай назад, — скомандовал он мне, и я решил, что лучше не спорить.

Усевшись на мягкой шкуре, которую кто-то весьма заботливый подстелил мне под спину (только сейчас до меня дошло, что с пленником вряд ли бы так поступили, и у меня зародилась надежда), я с интересом уставился на своего собеседника, а он в свою очередь изучал мою скромную персону внимательным пронзительным взглядом, словно хотел заглянуть в самую душу.

От последней мысли меня даже передернуло — Сван много рассказывал о паладинах, хоть на первый взгляд мне они такими уж страшными не показались, — но все-таки я взял себя в руки и упрямо уставился в глаза врагу.

Паладин на это лишь хмыкнул.

— Меня зовут лорд Хелинг, — представился он.

— Я уже догадался! — буркнул я, отводя взгляд.

— Тебя-то как звать?

— Маркон.

— Назвали в честь Маркона Каменного Волка?

Если честно, я был весьма удивлен догадкой моего собеседника, но в ответ лишь утвердительно кивнул головой. Маркон Каменный Волк был одним из самых знатных и известных воинов Акульего архипелага. Лет сто назад вместе со своими соратниками великий северянин сеял страх и панику на северных берегах континента.

— Чему же ты так удивлен? — Паладин сразу подметил, как я изменился в лице.

— Вы знакомы с историей моего народа?

— Еще бы! Запомни, юноша, если хочешь одолеть врага — узнай о нем все, что возможно! Ну да ладно, сейчас не об этом, — переменял тему паладин, — голова как?

— Нормально вроде, — пожал я плечами, бессознательно потрогал затылок и тотчас пожалел об этом. Голову со всех сторон словно пронзили одновременно несколько сотен иголок. Как оказалось, на макушке образовалась немалых размеров шишка, дававшая о себе знать при малейшем прикосновении, да так, что на глаза наворачивались слезы, — не хило меня приложили.

— Ничего, как говорится, до свадьбы заживет, — хмыкнул лорд Хелинг. — Это я немного перестарался, ну да ладно. Сколько тебе лет?

— Семнадцать. — И зачем ему это?

— На континенте впервые? — продолжал разговор, который все больше принимал форму допроса, паладин.

— Да. А как вы это узнали?

— Свои вопросы будешь задавать позже. Черные Медведи твой родной клан?

— Нет, — нехотя признался я, но отчего-то врать не было никакого желания. Да и смысл?

— Когда тебя приняли в клан?

— Кажется, мне было три года или четыре...

— Что случилось с родителями?

— Их убили. На нас напал клан с соседнего острова. Это все, что я знаю.

— Бесконечная война. Хм, она не закончится никогда... — промычал себе под нос лорд Хелинг. И повысив голос, продолжил допрос.

— В сыновья тебя взял сам Орваг? — прищурившись, спросил воин.

— Да, но откуда вы его знаете?

— Орваг, глава клана Черных Медведей. Отличный воин. Превосходно владеет любым оружием. Нам приходилось встречаться до вчерашнего дня несколько раз.

— И как все кончилось на этот раз? — Я даже не заметил, как немного подался вперед.

— Рубка была поистине кровавой. Я давненько в таких не участвовал. Если тебя интересует судьба твоих родичей, то скажу прямо — почти все они отправились на тот свет. Однако Орваг, прежде чем испустить дух, оставил мне на прощание отметину! — С этими словами паладин громко хохотнул и похлопал себя по левому плечу.

Что ж, моего приемного отца больше нет. Ну да туда ему и дорога! Никогда не забуду его кровожадного лица там, перед идолами...

— Тебе когда-нибудь доводилось убивать? — внезапно спросил он.

Внутри фургона на некоторое время воцарилась тишина, однако спустя несколько секунд я утвердительно кивнул головой.

— Почему ты не убил ту девушку? Там, во время жертвоприношения? — Этот вопрос паладин задал крайне серьезным тоном.

Я на некоторое время задумался. И вправду, почему же я ее не убил? Стало жалко? Да нет. Скольких тогда убили в деревне, и что-то особой жалости не чувствовалось. Кишка тонка? Вряд ли. Кузнеца, который чуть дух из меня не выбил, я же убил, причем делал все осознанно. Да и других селян до него...

Пауза немного затянулась, и паладин вновь заговорил:

— Хорошо. Давай не так. Что ты чувствовал, когда беззащитных людей резали, словно скот?

— Отвращение! — не задумываясь, выпалил я. — И еще омерзение. В глазах своих соплеменников я видел лишь огонь удовольствия и радости. Я бы себе такого не простил. Наверное, я не истинный воин Акульего архипелага и никогда им не стану. — Я обхватил руками голову.

— А ты не боишься гнева *своих* богов? — Или мне показалось, или в голосе лорда Хелинга проскользнула доля ехидцы.

— Даже не знаю, — пожал плечами я. Если б мой собеседник меня об этом не спросил, я, наверное, и не задумался бы никогда.

— Что ж, не буду тебя торопить с ответом. Подумай об этом хорошенько, до завтра. — С этими словами паладин уже собрался встать, но я его успел остановить.

— Я хочу кое-что спросить.

— Хм... В другой раз дал бы тебе хорошего подзатыльника, однако и так успел наградить тебя солидной шишкой. Так что спрашивай.

— Откуда вам все это известно? Я имею в виду все, что вы спрашивали обо мне. Ведь вопросы эти вы задавали не просто так?

— А ты весьма любопытен. Чтоб ответить на все твои вопросы, может понадобится немного времени, у меня последнего сейчас совсем нет, да и желания тоже.

— Тогда скажите хоть, что с моим оружием?

— Насчет меча и топора можешь не волноваться — они в надежных руках, — усмехнулся воин. — Но в ближайшее время не видать тебе их как своих ушей.

— Куда меня везут?

— Вскоре узнаешь, — уклонился от прямого ответа паладин.

— И что мне делать? — развел я руками в растерянности.

— Набирайся сил, и мой тебе совет: не вылезать из повозки, иначе Грехем увеличит твою шишку вдвое, — предупредил лорд Хелинг.

Я лишь кивнул и всем своим видом показал, что глупостей делать не буду, и ведь не врал же!

— Да, и еще раз напоминаю! Хорошенько подумай насчет моего последнего вопроса. Это очень важно. Намного важнее, чем тебе показалось на первый взгляд!..

Я проснулся, когда скрипучие колеса повозки неумолимо тархтели по мостовой. Высунув голову наружу, я больше не заметил никаких зеленых пейзажей или тени лесных истуканов. С обеих сторон дороги выросли плотно жавшиеся друг к другу каменные дома с деревянными крышами и пока что запертыми ставнями.

Тонза — рыбацкий городок, расположенный всего в двух неделях пути от морского побережья, на обоих берегах весьма широкой реки, названия которой я, конечно же, не знал, встретил нас моросившим дождем и вездесущими белыми щупальцами тумана, которые доставали лошадям до колен. Я поежился от утренней прохлады и, еще немного понаблюдав угрюмые серые стены одноэтажных домиков, нырнул обратно.

После моего первого разговора с лордом Хелингом, который стал и последним, я больше ни с кем не общался. Призывы приглядывавшего за мной воина поесть — не в счет. Единственным моим занятием было рассматривание леса или постепенно желтеющих холмов да гадание над последним вопросом лорда Хелинга.

«А ты не боишься гнева *своих* богов?» Вновь и вновь я прокручивал в голове вопрос паладина, но так и не мог разобраться, боюсь ли я на самом деле сверхъестественных сил, или же это просто нелепые глупые предрассудки, от которых нужно поскорее избавиться. В памяти тотчас всплывали лица приемных брата и отца — уж они-то точно побоялись бы гнева богов. О них паладин, кстати, расспрашивал тоже. И зачем они ему понадобились? Да и вообще, какая разница: родные мне они или нет? Голова кружилась от множества неясных вопросов, которые роем диких пчел носились из одного уголка черепушки в другой, не давая мне покоя ни днем ни ночью.

Спустя некоторое время успевшая надоесть тряска наконец-то прекратилась. Прекратился и стук копыт. Снаружи слышались резкие и короткие приказы.

Я не преминул высунуть голову из фургона. Половина отряда, распрощавшись, двинулась прямо, а другая — осталась на месте. Сторожа моего видно нигде не было, однако на смену ему появился лорд Хелинг.

— Вылезай давай, чего уставился? — весьма недружелюбно велел мне паладин и, повернувшись спиной, принялся отдавать приказы застывшим в молчании воинам.

Я выбрался из повозки, и та тотчас поколесила прямо по улице, в конце которой виднелся мост. Вскоре все оставшиеся рыцари, получив указания от лорда Хелинга, разъехались кто куда, и мы остались вдвоем.

— Следуй за мной! — скомандовал воин, слезая с коня, и двинулся через дорогу.

В конце широкой лестницы, где я насчитал девяносто три

полукруглые ступени, возвышалась массивная громадина собора, шпили которого были настолько высокими, что на первый взгляд мне показалось, будто они вот-вот проткнут небеса. Сразу же возник вопрос: зачем в таком маленьком городке такой большой храм?

По бокам высоких арочных створок из черного дерева, которые были настежь раскрыты и днем и ночью, приглашая внутрь каждого, чтоб он мог помолиться в любое время суток, стояли две статуи старцев в просторных хламидах. Один — тот, что находился ближе ко мне, держал раскрытую книгу, развернув ее нутром наружу. У второго в руках я заметил небольшой крест и икону с ликом кого-то из святых.

Из огромного зала, потолок которого подпирали крученые колонны, исписанные фресками, веяло теплом и умиротворенностью. Просторное помещение храма освещалось тысячами тоненьких свечей, расположенных под стенами, у колонн, а также на огромном деревянном канделябре в центре. Некоторые свечки наклонились немного набок, как бы опершись на соседок. Капли воска, застывшие на полу, создавали своеобразную абстракцию.

Как только мы переступили порог святой обители, в разные стороны от наших ног ринулись тени, которые как будто пытались дотянуться до стен.

Перекрестившись, паладин жестом показал мне следовать за ним и уверенной поступью двинулся меж колонн куда-то вправо. По залу тотчас разнесся гул наших шагов, который, эхом отражаясь от стен, улетал ввысь, под застекленные купола.

Остановившись в полукруглом ответвлении, над которым возвышался один из особо высоких куполов собора, паладин упал на колени перед большой, в рост самого воина, иконой. На ней был изображен средних лет мужчина с длинной черной бородой. Одет святой был в просторные белые одеяния, а его чистый взгляд направлен вверх, к небу. Ореол над его головой изливал красивое легкое сияние. Лорд Хелинг сложил перед собой руки лодочкой и принялся скороговоркой что-то шептать. Только спустя несколько минут, когда воин поднялся на ноги, до меня дошло: он молился.

Как только мы оказались примерно посередине обширного помещения, с потолков и стен которого на нас бросали взоры святые и ангелы, за спинами раздались звуки быстрых шагов.

— Лорд Хелинг? Не ожидал увидеть вас в столь ранний час в стенах нашей скромной обители, — поприветствовал паладина кротким голосом молодой служка в серой рясе, на которой не было ни единого украшения.

— Думаю, что и отец Макес также не ждал меня, — ответил воин.

— Если честно, мы ждали вас только к завтрашнему утру, — развел руками юноша.

— Обратный путь оказался легким и без лишних приключений, так что мы и сами не думали, что окажемся в городе так быстро, — пояснил свое столь быстрое прибытие мой спутник. — Вы получили мое послание? — добавил он уже более серьезным голосом.

— Признаться, я ничего подобного не ведаю, однако святой отец вскоре спустится к вам, и вы сможете потолковать обо всем.

— Что ж, тогда ты можешь быть свободен. Если я не ошибаюсь, то до утренней службы еще добрых полтора-два часа.

— Благодарю, милорд. Тогда я все-таки покину вас. Отец спустится к вам через несколько минут. — С этими словами, зевая во весь рот, служка замелькал между колонн и юркнул в неприметную дверь, из-за которой тотчас раздалось частое поскрипывание.

Проводив задумчивым взглядом спину молодого служителя церкви, паладин молча пересек пустую площадку, над которой нависал немалых размеров светильник, обошел каменную купель, до краев наполненную водой, и остановился у большой фрески. На ней были изображены неизвестные мне воины, издевающиеся над людьми в изодранных лохмотьях. Бедолаги напрасно пытались защититься голыми руками от ударов плетей. Должен признать — хотя какой из меня ценитель искусства! — художник мастерски изобразил искаженные от страха лица несчастных и самодовольные — вояк.

Это мне сразу напомнило кое о чем, и на душе тут же заскребли кошки.

— Помнишь наш разговор?

Я вздрогнул от внезапного вопроса, который беспощадно разметал нависшую тишину.

— Маркон...

— Да. Помню, — отозвался я тихим голосом, почти шепотом.

— Насчет моего последнего вопроса не забыл?

— Нет.

— И?

Собравшись с мыслями, я уже открыл было рот, чтоб дать хоть какой-либо вразумительный ответ, так как действительно размышлял над заданным вопросом, все время пути до города, но ответить так и не успел. За спинами послышался шум быстрых шагов, отзвуки которых разлетались по залу.

Чуть ли не срываясь на бег, к нам неся уже немолодой худощавый мужчина. Одет он был в такую же рясу тусклого серого цвета без каких-либо украшений, как вышедший к нам недавно служка. Торчащие в разные стороны поседевшие волосы и неровное дыхание ясно говорили о том, что святой отец только что сорвался с постели, — и сразу к нам.

— Доброго утра, Рэйнаг! С чем пожаловали в столь ранний час? — приминая непослушные волосы, подошел прелат. Я поначалу даже не понял, к кому он обращается.

— Нам бы комнату небольшую, — развел руками паладин, показывая глазами на меня.

Святой отец сразу кивнул и позвал следовать за ним. Мы прошли меж колонн, в том направлении, где совсем недавно скрылся служка, и, войдя в неприметную узкую дверь с маленьким окошком на уровне лица и крестом под ним, начали подниматься по винтовой лестнице. Прогнутые через одну ступени тотчас принялись методично скрипеть при каждом шаге.

Вскоре мы оказались в небольшой галерее, с высоты которой можно было свободно рассмотреть зал. Напротив каменных перил я насчитал пять арочных деревянных дверей. Мы остановились у третьей по счету. Открыв дверь, священник отступил в сторону, показывая нутро кельи, где были только жесткая кровать да небольшой сундук, обитый немного проржавевшей железной окантовкой, внутри которого хранился скромный скарб отца Макеса.

— Побудь пока здесь, — повернулся ко мне лорд Хелинг, — а мне нужно переговорить со святым отцом с глазу на глаз.

Я безразлично пожал плечами и переступил невысокий порог. Дверь тотчас бесшумно затворилась у меня за спиной. Выждав несколько секунд, когда голоса с той стороны станут немного тише, я всем телом — тихо, насколько возможно — прильнул к сухим доскам и изо всех сил напряг слух.

— Зачем ты так рано пришел? Почему не отправился со всеми в штаб-квартиру? У вас там есть где отдохнуть! — возмущенно принялся бранить паладина священник. — Или на худой конец снял бы комнату на постоялом дворе, благо их в городе по горло!

— Тише, я вас прошу, — совсем неузнаваемым для меня голосом попросил лорд Хелинг. — Так сложились обстоятельства, — добавил он уже более тихо.

— Видел я твое обстоятельство, — фыркнул прелат. — Кто этот малец?

— Язычник, — шепотом произнес воин, однако слышно его было очень четко.

— О! О, Боже мой! — воскликнул отец Макес. — Рэйнаг, ты с ума сошел! Зачем ты приволок в святую обитель язычника?!

— Уж вы-то не знаете! — саркастически заметил паладин.

— Ты точно спятил, прости Господи! — вновь возмутился прелат. — Чего тебе от меня надо-то?

— Пусть парень пока поживет парочку деньков у вас. Осмотрится. Познакомится с кем-то. Пусть ему расскажут что-то о церкви...

— Не думаю, что ему будет это интересно, — перебил паладина священник.

— А я не сомневаюсь, — все равно гнул свое воин, — этот паренек как нельзя кстати подходит для моей задумки.

Дальше последовал краткий рассказ о том, как я не желал принести в жертву девушку и как, собственно, попал в плен. В этот раз святой отец выслушал все внимательно, не перебивая. Также лорд Хелинг сболтнул, будто сумел разглядеть что-то в моей душе. Эта новость меня очень и очень насторожила, и я всерьез решил узнать, что это такое. Однако прелат совершенно никак не отреагировал на его слова, а шестое чувство мне подсказывало, что паладин упомянул об этом ой как неспроста.

— Я надеюсь, больше тебе от меня ничего не нужно? — после недолгой тишины спросил отец Макес.

— Последнее. Рекомендательное письмо для лорда Нура.

— Ты издеваешься? Как я могу поручиться за этого мальчишку? Я вижу его впервые, не говоря о том, что он с Акульего архипелага!

— Уж не усомнились ли вы во мне, святой отец? — Паладин добавил в свой голос немного строгости, хотя это несколько не испугало священника.

— Рэйнаг, Рэйнаг, — с укором произнес священник, — ты сведешь меня в могилу. Последний раз повторяю — специально для тех, кто в бою мог получить травму головы: никогда язычник не станет истинным верующим, будь в его душе хоть толика чего-то светлого.

— Вы прекрасно знаете, что...

— Знаю, знаю, но теперь моя совесть спокойна. И потом даже не вздумай заикаться, что я тебя не предупреждал! Ладно, я пойду, напишу все что нужно, а ты иди к язычнику своему и предупреди, что в моей церкви нельзя абы что руками лапать!

— Я спущусь через несколько минут, — пообещал паладин.

Святой отец, однако, не удостоил его ответом, и вскоре слышалось знакомое поскрипывание. Я оттолкнулся от двери и в один прыжок очутился на кровати, развалился поудобнее. Прodelал я все это очень вовремя. В следующий миг дверь бесшумно отворилась. Паладин сел на край кровати и уставился на меня. Мне тотчас стало как-то не по себе, и я тут же принял сидячее положение.

— Я вот что хотел спросить тебя, — начал воин, — а ты не боишься, что переступил порог церкви? Ведь твоим богам может не понравиться, что ты по своей доброй воле ступил в храм их *противника*, так сказать...

Договаривать начатую фразу не имело никакого смысла, так как, ахнув, я схватился за голову, представляя, какая кара может настичь меня за столь тяжелый грех.

— Значит, боишься гнева. Веришь. Это хорошо, — пробубнил себе под нос паладин.

— Что-что?

— Да нет. Ничего. Значит так, — выпрямился лорд Хелинг и одарил меня строгим взглядом: — На несколько дней эта комната — твой дом! Ты можешь ходить по собору, разговаривать с кем хочешь, но лучше не говорить, откуда ты и какого вероисповедания, — стальным голосом принялся он за инструктаж. — На улицу лучше не выходи. По любому вопросу обращай к отцу Макесу — он здесь главный. И, я думаю, ты слышал, что руками лучше ничего не лапать, — усмехнулся паладин, не обратив на мою *удивленную* мину никакого внимания.

— Но что мне делать сейчас?

— Да что хочешь, — остановился на пороге паладин. — Попси. А! Вот! Через час, кстати, начнется утренняя служба. Думаю, тебе будет интересно взглянуть.

Глава 3

УСЛУГА ЗА УСЛУГУ

Как только лорд Хелинг прикрыл за собой дверь, измученный последними событиями островитянин упал на жесткую подушку, канув в непредсказуемый мир сновидений.

Сам паладин спустился вниз и еще раз помолился Господу. Поблагодарил за то, что уберег от меча врага и помог благополучно добраться до города.

Отца Макеса долго ждать не пришлось. Воин еще не успел дочитать до конца молитву, как священник уже маялся у него за спиной, терпеливо дожидаясь, когда он поднимется с колен.

— Вот, — святой отец протянул небольшой желтый конверт, когда они оба подошли к порогу, — здесь все, как ты просил. Рекомендательное письмо лично от меня тоже есть. Также я упомянул, что *лично* осмотрел парня, — усмехнулся прелат. — Думаю, это не будет лишним.

— Я в долгу перед вами, святой отец, — серьезно сказал паладин, склонив голову в знак благодарности.

— Брось! — небрежно отмахнулся священник. — Это мелочь. Ты мне спас жизнь, если забыл. Это я в *неоплатном* долгу перед тобой, — в тон воину возразил прелат.

— Что ж, я пойду.

— Иди с Богом, сын мой. — Отец Макес крестным знаменем благословил воина Света и усталой походкой пошел назад. Скоро начнется служба.

Лорд Хелинг не спеша взобрался на коня, и тот легкой трусцой понес его в конец все еще пустынной улицы, цокая копытами по мостовой.

Первых прохожих паладин встретил, когда пересек несколько улиц. Город только начинал оживать. Рыцарь не спеша подъехал к двухэтажному зданию трактира, над входной дверью которого красовалась вывеска с надписью «Два топора». Сами топоры свисали по бокам на проржавевших цепях, рискуя свалиться на замешкавшегося клиента или зазевавшегося прохожего.

Оставив скакуна на попечение мальчику-службе, ждавшему именно паладина, лорд Хелинг вошел внутрь.

— Чего желает достопочтимый господин? — вырос подле него трактирщик, едва паладин сел за длинный стол, где вовсю уминали завтрак братья по ордену.

— Того же, что и всем, — коротко бросил воин. — Комнаты свободные есть еще?

— Последняя, как раз для вас поберег, — елеиным голосом проговорил трактирщик, ловко пряча в кармане пойманный серебреник, и исчез на кухне, из которой то и дело выглядывали еще сонные красавицы-служанки в белых блузах с глубоким декольте и недвусмысленно улыбались посетителям заведения.

Лорд Хелинг откинулся на спинку стула и в размышлениях стал переводить взгляд с одного боевого товарища на другого. Улавливая движения глаз старшего по званию и предводителя отряда, воины делали вид, что ничего не замечают.

— Что с пацаном делать намерены? — Сидевший напротив лорда Грехем — его заместитель в отряде и его правая рука — склонился чуть вперед.

— Пока не знаю. Поначалу нужно сохранить ему жизнь, а там дальше видно будет, — уклонился от прямого ответа Хелинг.

Принесли омлет, сырники и дымящиеся тосты. Официантка предложила на выбор пиво или вино. Немного поколебавшись, Рэйнаг выбрал вино и принялся за уничтожение омлета, который оказался на диво вкусным.

— Не думаю, что лорд Нур одобрит это. — Подождав, пока лорд Хелинг немного утолит голод, Грехем высказал вслух свою мысль (и мысль большинства).

За столом явно стало тише, однако никто из воинов не рисковал прямо посмотреть на лорда. Рэйнаг в свою очередь лишь равнодушно пожал плечами.

— Он не посмеет послушаться приказа Несущего Свет, — сухо ответил он. — И уж поверьте, отец Макес ни за что не дал бы своего согласия, если бы сам ничего не почувствовал.

Паладин снова принялся за еду, дав своим воинам новую пищу для размышлений. Парни всю дорогу удивлялись, для чего лорд тянет с собой в город язычника. А к удивлению Грехема, который лично вызвался следить за парнишкой и ни минуты не сводил с пленника глаз, отлично зная повадки непокорных и горделивых северян, пацан не выбросил ни одного фокуса. Даже попытки удрать не сделал!

— Как бы у лорда Нура личные принципы не заиграли. Уж вы-то знаете, как он относится как этим дикарям...

— Ну, во-первых, не такие уж они и дикари, — поправил брата Рэйнаг, — а во-вторых, лорда Нура я тоже знаю давно, так что думаю, быстро или нет, но нам удастся прийти к верному решению, которым будем довольны мы оба.

Грехем лишь хмыкнул в ответ на слова предводителя отряда, хотел что-то сказать, однако передумал и снова присосался к кружке с пивом.

Покончив с завтраком, лорд Хелинг подозвал к себе служку, стоявшего, как на боевом посту, возле входной двери, и велел привести цирюльника, а также разбудить его к полудню. И конь, само собой, к этому времени должен быть хорошо накормлен и оседлан.

Обрадовавшись медной монете, мальчуган шмыгнул на улицу.

Пока парень бегал за брадобреем, паладин поднялся в свою комнату, успел раздеться до пояса, умыться. Парикмахер не заставил себя долго ждать, и вскоре лорд Хелинг, попросившись с еще одним, на сей раз серебряным кругляшом, начисто выбритый и подстриженный, завалился спать, прикрыв предварительно дверь и окно, из которого доносился шум проснувшегося города.

Заснуть удалось не сразу. Но как только сон смог сковать его сознание в своих объятиях, в дверь постучали. Сперва легонько. Потом настойчивее. А когда воин окончательно пришел в себя, забарабанили всюю.

— Сейчас! — гаркнул недовольный Рэйнаг, и стук тут же прекратился.

Голова гудела от недосыпа. Рыцарь медленно поднялся с кровати. Не спеша протер глаза, умылся. Посмотрел в окно. Снаружи в комнату, крадучись, пытались проникнуть лучики солнца, которое давно не показывалось на горизонте, ныряя из одной тучи в другую. В дверь снова постучали, но в этот раз стук не был столь настойчивым.

Паладин открыл дверь и вопросительно уставился на служку, который явно разбудил его раньше времени:

— Чего барабанишь-то так? Случилось что?

Не ожидая столь грубого обращения, мальчишка опешил, не зная, что сказать.

— Ну? Язык проглотил? — еще более строго глянул на него воин.

— Тут дядя один...

— Чего? Не мямли! Говори нормально, а не то затрещину сейчас отвешу тебе!..

— Вам просили передать, что лорд Нур ждет вас у себя! — скороговоркой выпалил парень — получать леца от паладина совсем не входило в его планы.

— Так бы и сразу! — подобрел Рэйнаг. — А кто передал сообщение?

— Паладин! — сделав большие глаза, ответил мальчонка.

— Точно?

— Еще как! Огромный! Весь в доспехах! На груди крест большой! И... и...

— И? Договаривай.

— И лицо у него страшное... со шрамом.

— Со шрамом, говоришь? Хорошо... — протянул паладин. — Он был один или еще с кем-то? — уточнил воин.

— Один. И как только сказал мне все, сразу ушел, — покладисто протараторил служка.

— Ладно. Кажется, ты не врешь. — Голос лорда Хелинга снова стал суровым. — Мой конь готов?

— Н-н-нет, — неуверенно промямлил мальчик.

— Даю тебе десять минут и скажешь, чтоб принесли таз воды, теплой. Бегом!

— Слушаюсь! — по-военному прокричал пацан и вихрем исчез на лестнице.

Паладин прилег на кровать и принялся размышлять. «Раз лорд Нур послал за мной своего верного пса Кландена, то значит, и вправду что-то серьезное. Воду бы побыстрее...» Не успел воин закончить мысль, как две служанки, робко постукав, внесли внутрь деревянный таз. Помывшись, Рэйнаг насухо обтерся и достал из шкафа подготовленную специально для него одежду. Ведь хозяин трактира не зря *приберег для него* комнату.

Одевшись в легкие штаны черного цвета, высокие кожаные сапоги, за голенищами которых удобно уместились ножи, а также легкую полотняную рубаху с кожаной жилеткой и слегка мешковатую куртку, Рэйнаг подпоясался широким кожаным ремнем с массивной стальной пряжкой, на котором держались ножны с мечом, и покинул трактир.

Скакун уже был готов. Увидев хозяина, конь ласково прикусил погладившую его руку, и воин легко вскочил в седло.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Кодекс паладинов	5
<i>Пролог</i>	6
<i>Глава 1. Язычники</i>	9
<i>Глава 2. Собор Святых мучеников</i>	22
<i>Глава 3. Услуга за услугу.</i>	33
<i>Глава 4. Братство Черных Дней.</i>	46
<i>Глава 5. Сердце Святых земель</i>	63
<i>Глава 6. Отречение и крещение</i>	81
<i>Глава 7. Капля Света</i>	97
<i>Глава 8. Коридоры Времени</i>	113
<i>Глава 9. Одержимый.</i>	127
<i>Глава 10. Право на жизнь.</i>	140
<i>Глава 11. Охота на сектантов.</i>	153
<i>Глава 12. «Шустрая селедка»</i>	166
<i>Глава 13. Пустырь</i>	182
<i>Глава 14. Канализация</i>	195
<i>Глава 15. Зов прошлого</i>	208
<i>Глава 16. Дурное предчувствие</i>	223
<i>Глава 17. Внезапное предложение</i>	236
<i>Глава 18. Экзекуция</i>	248
<i>Глава 19. Белый идол</i>	264
<i>Глава 20. Воры</i>	275
<i>Глава 21. Малые врата.</i>	286
<i>Глава 22. Милость гномов</i>	301
<i>Глава 23. Слуги Тьмы</i>	314
<i>Глава 24. В плену сомнений</i>	329
<i>Эпilog.</i>	342